

Фан И.Б.

Институт философии и права УрО РАН, ведущий научный сотрудник. Доктор политических наук

Irina-fan@yandex.ru

Аннотация: В данной статье исследуется проблема усиления в России ограничений конституционных прав и свобод личности в целях обеспечения безопасности. Автор выделяет две основные позиции в осмыслении соотношения ценностей и понятий свободы и безопасности, представленные в публичном пространстве: позицию государственников, базирующуюся на неоконсервативной идеологии, и либерально-демократическую позицию. Анализируя эти подходы, автор приходит к выводу о том, что дискурс безопасности как часть неоконсервативной идеологии акцентирует внимание на внешних и внутривнутриполитических угрозах. Это является поводом на сворачивания демократических институтов и процедур, для наступления на права и свободы личности. Автор осуществляет критику данного подхода, рассматривая его основные аргументы.

Ключевые слова: дискурс безопасности, свобода, неоконсерватизм, идеология, угрозы, общее благо, права и свободы личности.

Security Discourse and Erosion of Freedom.

Fan I.B.

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences

Abstract: This article examines the problem of strengthening in Russia the restrictions on constitutional rights and individual freedoms in order to ensure security. The author identifies two main positions in understanding the correlation of values and concepts of freedom and security, presented in public space: the position of statesmen based on a neoconservative ideology, and the liberal-democratic position. Analyzing these approaches, the author comes to the conclusion that the security discourse as part of a neoconservative ideology focuses on external and internal political threats. This is the reason for the folding of democratic institutions and procedures, for an attack on the rights and freedoms of the individual. The author criticizes this approach, considering its main arguments.

Keywords: security discourse, freedom, neoconservatism, ideology, threats, the common good, rights and freedoms of the individual.

В социальной философии свобода определяется как «способность человека овладеть условиями своего бытия, преодолевать зависимости от природных и социальных сил, сохранять возможности для самоопределения, выбора своих действий и поступков» [1, с. 764]. В политической философии свобода рассматривается как одна из фундаментальных ценностей - Общее Благо и индивидуальное. «Суть свободы индивида заключается в возможности отклониться от традиционного образа мыслей и действий» [2, с.274]. Однако абстрактное понимание свободы недостаточно ни для ее теоретического обоснования, ни тем более для ее реализации на практике. У. Кимлика считает необходимым ставить вопрос об общественной значимости конкретных свобод, об учете важнейших интересов людей, а также о механизмах распределения свобод в свете требований равенства или взаимной выгоды [3, с.208]. В индустриальных обществах модерна важны юридические и экономические аспекты свободы. В условиях многомерного, мобильного и неопределенного мира конца XX и начала XXI веков свобода человека состоит в его способности соизмерять свою самостоятельность с действием политических, технологических, информационных и иных форм, институтов и процессов, с восстановлением индивидами и группами контроля над отчужденными от них структурами власти, информации, силы.

Политическая глобализация современных институтов порождает тенденции трансформации прав и свобод личности, что находит отражение в политической теории [4, с. 259]. Одной из тенденций является усиление ограничений основных прав и свобод граждан в целях «противостояния междуна-

родному терроризму и экстремизму» и обеспечения «безопасности граждан». Серьезные меры по достижению безопасности предпринимаются в разных государствах, зачастую это вызывает размывание основных прав и свобод личности. Противоречие между правом человека на свободу и стремлением к безопасности испытывает на прочность даже развитые демократические страны. Это же противоречие в государствах, где принципы демократии, конституционализма, прав и свобод человека и гражданина последовательно не реализованы, порождает консервативные тенденции. При активации дискурса безопасности (и акцентирования угроз со стороны внешних и внутренних врагов) система управления таких государств откатывается к архаичным способам и технологиям подчинения населения. После массированного воздействия данного дискурса и основанной на нем пропаганды в общественных настроениях россиян возобладала ценность порядка и безопасности, а ценности свободы оказались вытеснены. Вряд ли это было самостоятельным отказом граждан от конституционных прав и свобод. Такой отказ означал бы добровольное подчинение государству и осознанную передачу ему конституционных прав - от свободы собственности, договора и экономической инициативы до права принятия политических решений и участия в политике. Скорее, этот «отказ» от свободы выбора и политической субъектности является следствием распространения неоконсервативной идеологии, антилиберальных и антизападных идей, то есть манипуляции общественным мнением, с одной стороны, и молчаливого согласия людей с действиями власти из-за неверия в собственные силы - с другой. Нарастающий дискурс безопасности/угроз вызывает все большие ограничения свободы индивидуальных и коллективных самостоятельных субъектов, ее юридических и экономических оснований, осуществляемые посредством создания репрессивных структур. Свобода и безопасность - не взаимоисключающие понятия. Их неявное противопоставление и замена одного на другое - это конкретная политическая технология, применяемая в российской политике.

В российском публичном пространстве выделяется две основные позиции по поводу соотношения свободы и безопасности. В последнее время доминирует официальный дискурс государственников, сторонников приоритета ценностей порядка, стабильности, безопасности. Этот дискурс представлен людьми, состоящими на военной (элитой ВС и спецслужб РФ) и гражданской государственной службе. Формально они воспроизводят положения Концепции общественной безопасности (2013 г.), национальных проектов, указов президента РФ. Но в их текстах проявляются идеи, раскрывающие их реальный корпоративный интерес. А.И. Костин как о наиболее вероятной угрозе говорит о возможности силовых способов решения проблемы неравномерности распределения ресурсов между разными странами. Эта проблема порождена геополитической дестабилизацией мировой периферии из-за глобального экономического и политического кризиса. Автор пишет о необходимости сохранения прав и свобод граждан, подотчетности структур государственной власти, полиции и спецслужб обществу, несмотря на то, что это мешает достижению эффективности в борьбе с терроризмом [5, с.73]. Это умеренная оценка угроз по сравнению с большинством примеров данного дискурса - публикациями А.В. Картаполова или А.В. Железняка. Отсутствие четких критериев оценки степени угрозы, невозможность общества проконтролировать выводы разведки и эффективность финансирования спецслужб, зависимость анализа данных от консервативных идеологических установок политических лидеров, - все это вызывает сомнения в адекватности выводов сторонников дискурса безопасности об угрозах реальному положению дел. Не стоит забывать и о корпоративных интересах спецслужб, состоящих в преувеличении степени угрозы или создании воображаемых угроз.

Иную позицию о соотношении безопасности и свободы высказывают представители политической науки, приверженцы либерально-демократических ценностей. Понятие безопасности нуждается в конкретизации, иначе оно превращается в идеологему. В качестве субъектов безопасности В.А. Гуроров и И.В. Радиков выделяют нации, группы, отдельных личностей, международное сообщество, а также раскрывают виды безопасности (военная, политическая, экономическая и т.д.). Понятие национальной безопасности содержит значения выживания, благополучия и развития нации. Безопасность - это не только состояние защищенности, но и поддержание способности нации к самосохранению, самовоспроизводству и самосовершенствованию [6, с. 130]. Возросла взаимозависимость национальной, региональной и международной сфер безопасности. Однако в России в последние двадцать лет произошли изменения в национальном механизме обеспечения безопасности. Важнейшим фактором является консерватизм в представлении о национальной безопасности - понимание ее лишь как безопасность в военной сфере. Национальная оборона отождествляется с национальной безопасностью [6, с. 131]. Но национальная оборона представляет собой лишь тактический проект, конкретизирующий

национальную безопасность как стратегию. Необходима глобальная система противодействия современным угрозам и вызовам. Концентрация внимания лишь на национальной безопасности скорее разделяет, чем объединяет разные государства в рамках системы международных отношений, этот акцент становится источником угрозы для личности и общества, так как подрывает региональную и международную безопасность. Угрозы и потенциальный противник конструируются военным и политическим руководством. Тревогу в настоящее время вызывает отсутствие нового механизма обеспечения международной безопасности в условиях крушения биполярного мира и неуправляемого характера миропорядка. В современных условиях приоритетным объектом безопасности российское государство считает не личность, не общество, а себя. Государственники отождествляют понятия «национальное», «государственное» и «военное». В Стратегии национальной безопасности РФ (2009) отмечается, что «основными приоритетами национальной безопасности РФ является национальная оборона, государственная и общественная безопасность». Из приоритетов исчезли безопасность личности, общества и нации. Искусственное сдерживание демократизации в России приводит к возрастанию угроз для личности и общества как объектов национальной безопасности. Принята особая схема обеспечения безопасности государственной элиты, но от защиты прав рядовых граждан - на жизнь, свободу и собственность, государство отстраняется. Правосудие в России, призванное быть «видом общественного блага, состоящим в разрешении правовых споров в соответствии с принципом справедливости» [7, с.180], является избирательным и защищает преимущественно органы государственной власти и должностных лиц. Общее благо (безопасность, свобода) распределяются неравномерно.

Причина обращения власти, элиты и масс к неоконсервативной идеологии, частью которой является дискурс безопасности, коренится в стремлении власти сохранить свой статус любой ценой [8, с.32]. Для этого политической элите нужно снизить риски и вызовы со стороны иных элитных групп. В неоконсерватизме заинтересованы военная и государственная элита, чиновничество и все группы населения, зависимые от бюджета. Россия является гибридной автократией, управление которой осуществляется благодаря контролю над медиа. Любые чрезвычайные ситуации, террористические и иные угрозы, реальные или воображаемые, служат укреплению центральной власти. В автократиях «торговля угрозами» становится основным инструментом внутренней политики, поскольку лишь спецслужбы выступают в качестве самостоятельных политических субъектов. Безопасность – универсальное понятие, отвечающее бессознательным стремлениям людей к самосохранению. В государственной пропаганде оно служит средством оправдания любых мер государственной политики, поводом к выделению дополнительных бюджетных средств на нужды силовых структур, идеологических штабов, РПЦ и телевидения, осуществляющих формирование общественного мнения в нужном государству направлении.

Литература:

1. Современный философский словарь / Под общ. ред. д.ф.н. профессора В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург; Москва, Минск / «ПАНПРИНТ», 1998. 1064с.
2. Мизес Людвиг фон. Теория и история / Пер. с англ. под ред. А.Г. Грязновой. М.: ЮНИТИ, 2001.
3. Кимлика У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. М.: ВШЭ, 2010. 592с.
4. Фан И.Б. Гражданство и миграция в политических концепциях XX века // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2008. № 8. С. 257-278.
5. Костин А.И. Глобальные тренды и противодействие международному терроризму // Вестник Московского университета МВД России. 2014. №9. С.70-76.
6. Гуторов В.А., Радиков И.В. Концепции национальной безопасности в политическом дискурсе современной России: проблемы теории и методологии анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2010. Вып. 4. С. 130-139.
7. Костокрызов П. И. Понятие правосудия: философско-правовой анализ // Государство и право. 2019. № 10. С. 175-180.
8. Мельвиль А.Ю. Неоконсервативный консенсус в России? Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии // Полития. № 1 (84) 2017. С. 29 –45.

Академическое сообщество как коллектив: внутри политики, над ней или вне?

Чаганова Д.Н.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, магистрант

d-chaganova@mail.ru

Аннотация: В работе рассматриваются возможные перспективы того, как академическое сообщество может взаимодействовать и соотноситься с областью политического. Ставится вопрос о том, какое положение академия как коллектив субъектов, воплощенный в университете, занимает по отношению к политической системе. Исторически академическое сообщество политизировано, то есть всегда уже определено рамками политической нормативности. Формат современного взаимодействия анализируется через призму грамматики множества итальянского политического философа П. Вирно. Так, между рассматриваемыми областями возникает конфликт политического и экзистенциального характера: поскольку научному работнику для развития в академической сфере необходимо проявление оригинальности, то есть его индивидуальных черт, точкой напряжения становится универсализация в рамках соответствия какой-либо нормативности. В качестве попытки решения конфликта предлагается концепция академического сообщества как коллектива и марксистская интуиция работника как живой личности, обладающей виртуозностью.

Ключевые слова: академия; политика; политическая философия; множество; народ; П. Вирно; виртуозность; К. Маркс.

Academic Community as a Multitude: Is It Inside/Outside the Politics or Above It? Chaganova D. N.

National Research University Higher School of Economics

Abstract: The author considers possible perspectives of interaction between the academic community and politics. The question is: what position does the academy as a collective of subjects (embodied into the university) have in relation to the political system? Historically, academic community is politicized, that is, it has always been defined by the framework of some political normativity. The format of modern interaction is analyzed through the system of Virno's “grammar of multitude”. The problem is that the conflict of a political and existential nature arises between university and politics. Since a scientist needs to show originality, his/her individual traits and knowledge to progress in the academic field, universalization becomes the point of tension for him/her due to the need to fit into some kind of normativity. To solve it author proposes to understand academic community as a collective and to consider the Marxist intuition of the worker as a subject.

Keywords: academic community; politics; political philosophy; multitude; the people; P. Virno; virtuosity; K. Marx.

Сегодня любую область тяжело представить без политического контекста. Как заметил Мишель Фуко, даже жизнь как биологический процесс уже несколько веков регулируется политически и сама вторгается в сферу политического [1, с. 179]. Мы как живые субъекты определяем некоторую внутреннюю связь, например, академической области с политикой, но в то же время понимаем, что биополитика Фуко не отвечает нам на вопросы, возникающие при столкновении, особенно сегодня, научной сферы и государства. В обсуждении, к которому мы обратимся, есть довольно традиционное бытовое воззрение, что политика начинается на этапе стран. Здесь мы можем смело заключить, что наука как сфера оказывается наднациональной, но мы не можем согласиться, что политика заключается в международном взаимодействии. Для рассмотрения вопроса мы принимаем в качестве базовой довольно классическую античную интуицию, что политика начинается гораздо раньше: политическим актом может считаться любое осмысленное нацеленное взаимодействие людей для сообразования их идеалов о взаимодействии с Другими.